

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

В пятидесяти поприщах от стольного города Киева есть город Васильев. В том и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и сияя всяческим благочестием. Родилось блаженное чадо их, и потом, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел мысленным взором, что смолоду он посвятит себя богу, и назвал его Феодосием. Потом же, как минуло их чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, вскормлен родителями своими, и был отмечен он божественной благодатью, и дух святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие божие! Вот ведь не избрал пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или властителей города, но - да прославится этим имя господне - неискушенный в премудрости стал мудрее философов!...

Мы же опять вернемся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви божественной, и ходил каждый день в церковь божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. При этом не подходил он к играющим детям, как это в обычае малолетних, но избегал детских игр. Одежда его была ветха и в заплатах. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он, чтобы отдали его учителю, дабы божественным книгам учился, и достиг этого. И так скоро овладел он грамотой, что поражались все, как смышлен он и разумен и как быстро всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении, не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

В это время истекли дни жизни отца его. Было же тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усердней к труду, так что вместе с рабами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая так поступать, снова упрашивала его одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он себя срамит и семью свою. Но не слушал он ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала сына, ибо была она телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и думает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все думал, как и каким образом спасет он душу свою. Услышал он как-то о святых местах, где во плоти ходил господь наш Иисус Христос, и возжаждал посетить те места и поклониться им. И молился богу, взывая: "Господь мой, Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и поклониться им с радостью!" И постоянно молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подошел к ним, поклонился, приветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Странники отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному велению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили пойти вместе с ними, взяли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и довести до святых мест. Услышав обещание их, обрадовался блаженный Феодосий и вернулся домой. Когда же собрались паломники в путь, то сказали юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, и втайне от

всех, вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так пошел вслед за странниками. Но милостивый бог не допустил, чтобы покинул он свою страну, ибо еще в материнском чреве указал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, ибо если уйдет пастырь, то опустеет пажить, благословенная богом, и зарастет тернием и бурьяном, и разбредется стадо. Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Когда же после долгого преследования наконец настигла его, то схватила и в ярости и в гневе вцепилась ему в волосы, и швырнула его на землю, и пинала его ногами, и, осыпав упреками странников, вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав его, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, отвязала и покормила, но, еще не остыв от гнева, сковала ноги ему и велела ходить в оковах, опасаясь, как бы он снова не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова начала умолять его и уговаривать, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех на свете, и не смогла бы прожить без него. Когда же Феодосии пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать, что захочет. Тогда блаженный Феодосии вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день стал посещать божью церковь. И, видя, что часто не бывает литургии, ибо некому печь просфоры, очень опечалился этому и задумал, по своему смирению, сам взяться за это. Так и сделал: начал он печь просфоры продавать, и что сверх цены получал, то раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молот и снова пек просфоры. Это уж бог так пожелал, чтобы просфоры, приносимые в церковь, чисты были - дело рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались, осуждая его занятия, враг их научал этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, молчанием и смирением.

Искони ненавидящий добро, злой враг, видя, что побеждаем он смирением боговдохновенного отрока, не дремал, помышляя отворотить его от такого занятия. И вот начал он внушать матери Феодосия, чтобы воспротивилась она его подвижничеству. Мать и сама не могла смириться с тем, что все укоряют ее сына, и начала говорить ему с нежностью: "Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все смеются над тобой. Разве пристало отроку этим заниматься!" Тогда божественный юноша, отвечал матери смиренно: "Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам господь Иисус Христос подал нам пример уничижения и смирения. Да и мы, во имя его, должны смириться. Он-то ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вытерпел ради нашего спасения. А нам и тем более следует терпеть, ибо этим к Христу приблизимся. А что до дела моего, мать моя, то послушай: когда господь наш Иисус Христос возлег на вечере с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: "Возьмите и ешьте, это - тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились они от грехов". Так если сам господь наш хлеб назвал плотью своей, то тем более радостно мне, что

сподобил он меня приобщиться к плоти своей". Услышав это, удивилась мать премудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению отрока. И как-то, спустя год, снова увидев его пекущим просфоры и почерневшим от печного жара, опечалилась она и с той поры снова стала убеждать его, то ласкою, то с угрозами, а иногда и с побоями, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и недоумевал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом и ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав и не найдя его в своем городе, оплакала отрока. Когда же, много дней спустя, узнала, где он живет, то тотчас же, в гневе, отправилась за ним, и, придя в упомянутый город, нашла его в доме священника, и, схватив, с побоями повела в свой город. Приведя домой, заперла его, сказав: "Теперь уж не сможешь убежать от меня; а если куда уйдешь, то я, догнав и разыскав тебя, свяжу и с побоями приведу обратно". Тогда блаженный Феодосий снова стал молиться богу и ежедневно ходить в церковь, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Когда же властелин того города, увидев столь смиренного и послушного отрока, полюбил его, то повелел, чтобы тот постоянно пребывал у него в церкви, и дал ему светлую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго ее носил, ибо чувствовал себя так, будто носит какую-то тяжесть. Потом он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья, так их и носил. Властелин же, увидев его в рубище, дал ему новую одежду, еще лучше прежней, упрасивая отрока ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он несколько раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил его, поражаясь его смирению. В то же время божественный Феодосий пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь, и стал ходить, опоясавшись этой цепью. И так сильно стянул себе поясницу, что железо врезалось в тело его, но он ходил так, будто бы ничто ему не мешало.

Потом, когда прошло немало дней и настал праздник, мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созванным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же он стал переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не уберегся от ее взгляда. А она не спускала с него глаз и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с его поясницы вериги. Но божественный отрок, будто ничего не претерпел от нее, оделся и, придя, с обычным смирением прислуживал возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит господь в святом Евангелии: "Если кто не оставит отца. или мать и не пойдет вслед за мной, то он меня недостоин". И еще: "Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Возложите бремя мое на себя и научитесь от меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим". Услышал это боговдохновенный Феодосий и исполнился любовью к богу и божественного рвения, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. Как-то по воле божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался

блаженный и, помолившись богу, тайно ушел из дому, не взяв с собой ничего, кроме одежды да хлеба немного, для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о бывших там монастырях. "Но, не зная дороги, молился он богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И по промыслению божию ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они идут в тот же город, прославил бога и пошел за ними следом, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только бог охранял его. И так, после трех недель пути, достиг он прежде упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрасывая, чтобы его приняли. Но там видели плохую одежду отрока и не соглашались его принять. Это уж бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда бог призвал его еще с юности.

Тогда вот и услышал он о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил туда. И пришел к преподобному Антонию, и, увидев его, пал ниц, и поклонился со слезами, и стал просить разрешения остаться у него. Великий Антоний стал беседовать с ним и сказал: "Чадо, разве не видишь пещеру эту; уныло место и непригляднее всех других. А ты, как мне думается, еще молод и не сможешь, живя здесь, снести все лишения". Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам обоснует на этом месте славный монастырь, где соберется множество чернецов. Боговдохновенный Феодосий отвечал ему с умилением: "Знай, честной отец, что сам бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому я исполню все, что ты мне повелишь". Тогда отвечал ему блаженный Антоний: "Благословенен бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!" Феодосий снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел постричь его великому Никону, священнику и умудренному черноризцу, и постриг он Феодосия по обычаю святых отцов и облек его в монашескую одежду,

Отец же наш Феодосии всего себя отдал богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал томить плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, преодолевая сон, и для изнурения плоти своей трудился не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: "Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои". Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и тому, что он, еще юный, столь благодетел, тверд и бодр, и горячо славили за все это бога.

Мать же долго искала Феодосия и в своем городе, и в соседних, и, не найдя его, била в грудь себя, и горько плакала о сыне, как по покойнику. И было объявлено по всей той округе, что если кто видел отрока, то пусть придет и известит его мать и получит за сведения о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его там, как искал он монастырь, где бы постричься. Услышав об этом, она не поленилась поехать туда. И нимало не медля, и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Пришла в тот город и обошла в поисках его все монастыри. Наконец сказали

ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы вышел он к ней. "Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение". Поведали о ней старцу, и вот вышел он к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина с ним пространную беседу и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: "Прошу тебя, отец, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, не зная, жив ли он". Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: "Здесь твой сын, и не плачь о нем, ибо он жив". Тогда она снова обратилась к нему: "Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь прошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси". Старец же ей отвечал: "Если хочешь повидаться с ним, то иди сейчас домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты наутро придешь и повидишься с ним". Послушалась она и ушла, надеясь, что завтра увидит сына. А преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, который, услышав его, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. Наутро женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженногыййти и повидаться с матерью. Он же не хотел. Тогда вышел старец и сказал ей: "Долго я упрашивал его, чтобы вышел к тебе, но не хочет". Тогда она стала разговаривать со старцем уже без прежнего смирения, в гневе кричала и обвиняла его: "Похитил ты сына моего, в пещере скрыл, не хочешь мне показать его; приведи мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не могу я жить, пока не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверями вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!" Тогда Антоний, в смятении и печали, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного выйти к матери. Не захотел тот послушаться старца и вышел к ней. Он же, увидев, сколь сокрушен сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его я горько заплакала. И едва немного успокоилась, села и стала уговаривать слугу Христова: "Пойди, чадо, в дом свой, и все что нужно тебе или на спасение души - то и делай у себя дома, как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, погребешь тело мое, и тогда, как ты хочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя". Блаженный же отвечал ей: "Если хочешь видеть меня каждый день, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. При том и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то - истинно слово мое - не увидишь больше лица моего". Такими и многими другими словами изо дня в день уговаривал он свою мать, но она не соглашалась, и даже не слушала его. И когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: "Рядом господь с тем, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их". И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: "Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир. Услышав эти слова, обрадовался

блаженный Феодосий и, войдя пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее, на пользу ей и для спасения души, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась...

Всегда после мясопуста святой отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его тело. Тут затворялся он один вплоть до вербной недели, а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии и, остановившись в дверях церковных, поучал всех и утешал в подвижничестве их и посте. О себе же он говорил как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться в подвижничестве с ними. И много раз злые духи вредили ему, являясь в видениях в пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к святому Антоний и велел дерзать, и невидимо, с небес, даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как, оставаясь один в такой темной пещере, не боялся он бесчисленных полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь богу и призывая на помощь себе господу Иисуса Христа. И так одолел их силой Христовой, что не смели они приблизиться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он, чтобы подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота бесчисленных бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не пал духом, не ужаснулся сердцем, но, оградив себя крестным знаменем, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тогда затихло все в пещере, но лишь он садился после молитвы, снова слышались голоса бесчисленных бесов, как и прежде. И снова вставал преподобный Феодосий, и снова начинал распевать псалмы, и тут же смолкал этот шум. Вот так многие дни и ночи вредили ему злые духи, чтобы не дать ему ни на минуту уснуть, пока не победил их с божьей помощью и не получил от бога власти над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где молился блаженный.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлебы пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много других разных пакостей творили. Тогда пришел старший пекарь и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что получит от бога власть над ними, отправился вечером в дом тот и, запершись, остался там до заутрени, молясь. И с того времени, закланием преподобного и молитвой, не могли появляться на том месте бесы и творить пакости.

Великий отец наш Феодосий имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если услышит, как кто-то молится, то и сам остановится и прославит бога, а если, напротив, услышит, что кто-либо беседует, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда стукнет к

ним в дверь, дав знать о своем приходе, и отойдет. А наутро, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издали, с притчами и намеками, чтобы увидеть, какова же их приверженность к богу. Если брат бывал чист сердцем и искренен в любви своей к богу, то такой, скоро поняв свою вину, падал ниц и, поклонившись, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце покрыто дьявольской коростой, то такой стоит, думая будто о другом говорят, и не чувствует себя виновным, пока блаженный не обличит его и не отпустит, утвердив епитимьей его. Вот так постоянно учил он молиться богу, и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться богу, а если кто может - ремеслом каким-либо заниматься, распевая при этом псалмы Давидовы...

Был же Феодосий поистине человек божий, светило всему миру видимое и всем черноризцам сияющее: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давал он ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню - с радостью помогал пекарям месить тесто или выпекать хлебы. Он ведь был, как сказано прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих делах.

Однажды, когда готовились к празднику святой богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда прежде упомянутый Федор, который многое рассказал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Федор и сказал блаженному отцу нашему Феодосию, что некому наносить воды. А тот блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. И вот увидел его носящим воду один из братии и поспешил поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось дров для приготовления пищи, и келаре Федор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: "Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько нужно". Блаженный же ответил ему: "Я свободен, я и пойду". Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, пообедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова, и так трудится. И взял каждый по топору, и потом столько они накололи дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному богу, говорившему: "Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем". Поэтому, взирая на подвиги его, смирялся Феодосий, недостойнейшим изо всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех примером. На работу он выходил прежде, всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет, а блаженный, присеве краю, прядет нити для переплетения книжного. Вот каковы были: смирение этого мужа и простота его. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело - разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, а сверху носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на

нем власяницы. И над этой убогой одеждой издевались многие неразумные, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоризны, постоянно помня слово божье, которым утешали подбадривал себя: "Блаженны вы, - говорит бог, - когда укоряют вас, когда поносят вас словом грубым, клевета на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах". Вспоминал блаженный эти слова и утешался ими, снося упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосий по какому-то делу к христоролюбивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до самого вечера. И приказал христоробец, чтобы смог Феодосий поспать ночь, довезти его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как одет Феодосий, и подумав, что это бедный монах, сказал ему: "Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я наработался. Не могу на коне сидеть. Но вот что сделаем: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать". Блаженный же Феодосий смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосий свой путь, радуясь и славя бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не устанет, и вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали встречаться вельможи, ехавшие к князю, и, издали узнав блаженного и спешившись, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: "Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня". Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас и, вскочив в трепете, сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосий сидел в телеге. И все встречные бояре кланялись ему. Так достигли они монастыря, и вот вышли навстречу все монахи и поклонились Феодосию до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: "Кто же это, что все так поклоняются ему?" А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему деньги, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все так же постоянно учил братию не зазнаваться, а смиренным быть монаху, и самого себя считать недостойнейшим из всех, и не быть тщеславным, и покорным быть всем. "И когда ходите, - говорил он им, - руки прижимайте к груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из кельи в келью, но пусть каждый из вас молится в своей келье". Такими вот и иными словами всякий день поучал он их беспрестанно, и если снова слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то, призвав его к себе, и - так как сам испытал все искушения - поучал его и наказывал, как противостоят дьявольским козням, ни в чем им не уступая, не ослабеть от видений и бесовских напастей и не оставлять своей кельи, но оградить себя постом и молитвой и постоянно призывать бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им: "Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью пел я в келье обычные псалмы, и вдруг черный пес встал предо мною, так что не мог я и поклониться. Долго он так стоял предо мною, но как только, им подстрекаем, хотел я его ударить - он тут же невидим стал. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться и

преклонять беспрестанно колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, если даже являлись они передо мною". И много другого рассказывал он, укрепляя монахов на борьбу со злыми духами. И так отпускал их, радостных и славящих бога за то, что поучает их мудрый наставник и учитель.

А вот что поведал мне один из монахов, по имени Иларион, рассказывая, как много зла причиняли ему в келье злые бесы. Как только ложился он на своем ложе, появлялось множество бесов и, схватив за волосы, тащили его и пинали, а другие, приподняв стену, кричали: "Сюда волоките, придавим его стеною!" И творили такое с ним каждую ночь, и, уже не в силах терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостях бесов. И хотел перейти в другую келью. Но блаженный тот стал упрашивать его, говоря: "Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые духи, что победили тебя и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получают власть над тобою. Но молись же богу в келье своей, и бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе". Монах же снова говорил: "Молю тебя, отче, не могу больше жить в пещере из-за множества бесов, живущих в ней". Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: "Иди и оставайся в келье своей, и с этих пор не только не причинят тебе никакого вреда коварные бесы, но и не увидишь их более". Поверил он и, поклонившись святому, пошел в свою келью и лег, и выпался сладко в ту ночь. И с тех пор коварные бесы не смели приблизиться к тому месту, ибо отогнаны были молитвами преподобного отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И вот еще что рассказал мне чернец Иларион. Был он искусный книгописец и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и пряд шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконоом и сказал блаженному, что не на что купить ни еды для братии и ничего другого, потребного им. Блаженный же отвечал ему: "Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь богу: может быть, помилует нас и позаботится о нас, как будет ему угодно". Выслушал его эконоом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконоом и опять заговорил о том же. Тогда ответил ему блаженный: "Сказал же тебе: иди и помолись богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у продавцов, что нужно для братии, а потом, когда смилуется бог, и отдадим долг, ведь истинны слова: "Не заботься о завтрашнем дне, и бог нас не оставит". Как только вышел эконоом, - свет воссиял, и явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию и, ни слова не говоря, положил на столп гривну золота и также молча вышел. Тогда встал блаженный Феодосии, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он вратаря и спросил его: "Разве кто приходил этой ночью к воротам?" Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с тех пор не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконоома и отдал

ему гривну золота со словами: "Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что требуется. А наутро бог снова позаботится о нас". Тогда понял все эконом, и пал ниц, и поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: "Никогда не отчаивайся, но буде крепок в вере, обратись с печалью своей к богу, чтобы он позаботился о нас, как захочет. И ныне устрой для братии великий праздник". Бог же и впредь щедро подавал ему все, что бывало нужно божественному тому стаду...

Умножилась числом братия, и нужно было отцу нашему Феодосию расширять монастыре и ставить новые кельи: слишком много стало монахов и приходящих в монастыре. И он сам с братией строил и огораживал двор монастырский. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожил никто монастыре, то однажды, темной ночью пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское. И потому не пошли они по кельям, а устремились прямо к церкви. Но тут услышали голоса поющих в церкви. Они, подумав, что это братия поет вечерние молитвы, отошли. И, переждав некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова подошли к церкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет, льющийся из церкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полуночные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они окончат пение, чтобы тогда войти в церковь и забрать все, что в ней находится. И так еще несколько раз приходили они и слышали все те же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономаре ударил в било. И разбойники, углубившись немного в лес, присели и стали рассуждать: "Что же будем делать? Кажется нам, что привидение находится в церкви. Но вот что: когда соберутся все в церковь, подойдем и, не выпустив никого из дверей, перебьем всех и захватим их богатства". Это враг их так научал, чтобы изгнать с этого места святое стадо. Но не только этого не смог сделать, но и сам побежден был братией, ибо бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Злодеи подождали немного, пока преподобное стадо соберется в церкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосией и начнет петь утренние псалмы, и бросились на них, словно дикие звери. Но едва подбежали они, как внезапно свершилось страшное чудо: отделилась от земли церковь вместе со всеми бывшими в ней и вознеслась в воздух, да так, что и стрела не могла до нее долететь. А бывшие с блаженным в церкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и, трепеща, возвратились к себе домой. И с тех пор в умилении решили никому больше не причинять зла, так что и атаман их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать ему обо всем, что было. Услышав его, блаженный прославил бога, спасшего их от смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, славящих и благодарящих бога за все, что случилось с ними.

Такое же чудо с той же церковью видел потом и один из бояр христолюбца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю, в 15 поприщах от монастыря блаженного

Феодосия. И вдруг увидел церковь под самыми облаками. В ужасе поскакал он со своими отроками посмотреть, что это за церковь. И когда он доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась церковь и стала на своем месте. Боярин же постучал в ворота и, когда отпер ему привратник, вошел в монастыре и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил к нему, и насыщался его духовной беседой, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

А как-то некий другой боярин того же христолюбца Изяслава, отправляясь с князем своим христолюбцем против вражеской рати, уже изготавившейся к битве, пообещал в мыслях своих: если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой богородице в монастыре блаженного Феодосия 2 гривны золота и оклад прикажу сковать на икону святой богородицы. Потом была битва, и многие пали в бою. В конце концов враги была побеждены, а победители благополучно вернулись восвояси. И забыл боярин, что пообещал святой богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался над ним страшный голос, зовущий его по имени: "Климент!" Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед кроватью своей икону святой богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: "Почему же, Климент, не дал ты мне того, что обещал? Ныне же говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!" Изрекла это икона святой богородицы и стала невидимой. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастыре и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. И вот, когда пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сесть, а боярин еще не достал Евангелия, сказал ему вдруг блаженный: "Прежде, брат Климент, достань святое Евангелие, которое у тебя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой богородице, а потом уже сядем". Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не говорил об этом раньше. И достал он святое то Евангелие и отдал блаженному в руки, и так сели они, и, насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и стал часто приходиться к нему, и немалую пользу получал, беседа с ним.

И когда вот так же приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из припасов монастырских: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христолюбец Изяслав и весело говорил Феодосию: "Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. Прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?" Тогда боговдохновенный отец Феодосий, чтобы укрепить благочестие князя, сказал ему: "Раз уж хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, поведаю тебе. Когда братия монастырская хочет готовить, или хлеба печь, или что другое делать, тогда прежде всего идет один из них и получает благословение от игумена, после этого трижды поклонится

перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: "Благослови, отче!" И тот отвечает: "Бог да благословит тебя, брат!" И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз побиты бывают старшими. И так вся служба их в грехах проходит". Выслушал его христоробец и промолвил: "Поистине так, отче, как ты сказал"...

Настали как-то дни праздника Успения святой богородицы, и надо было праздновать его в церкви, а не хватило деревянного масла, чтобы залить в лампы. И решил эконом добыть масло из льняного семени и, разлив то масло по лампадам, зажечь. И спросил на это разрешения у блаженного Феодосия, и велел ему Феодосию сделать так, как задумал. И когда уже собрался он разливать масло в лампы, то увидел, что мышь упала в сосуд и плавает, мертвая, в масле. Поспешил он к блаженному и сказал: "Уж с каким старанием накрывал я сосуд с маслом, и не пойму, откуда пролез этот гад и утонул!" Но блаженный подумал, что в этом божественная воля. И, укорив себя за неверие, сказал эконому: "Нам бы, брат, следовало возложить надежду на бога, ибо он может подать нам все, чего ни пожелаем. А не так, как мы, потеряв веру, делать то, что не следует. Так иди же и вылей то масло на землю. И подождь немного, помолимся богу, и он подаст нам сегодня деревянного масла с избытком". Уже настал вечер, когда неожиданно какой-то богач принес в монастыре огромную корчагу, полную деревянного масла. И, увидев это, прославил блаженный бога, так скоро внявшего их молитвам. И заправили все лампы, и осталась еще большая часть масла. И так устроили на следующий день светлый праздник святой богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, истинно благочестивый в вере к господу нашему Иисусу Христу и к пречистой матери и сложивший впоследствии голову свою за своего брата по призыву господню, как говорят, искренне любил отца нашего Феодосия и часто посещал его и насыщался духовными его беседами. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседуя о боге, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христоробец с блаженным и честной братией на вечерней службе. И вдруг, по воле божьей, пошел сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: "Приготовь ужин для князя". Тогда пришел к нему ключник, говоря: "Господин отец наш! Нет у меня меду для князя и спутников его". Спросил его блаженный: "Нисколько нет?" Он ответил: "Да, отче! Нисколько не осталось, я же говорил, что опрокинул пустой сосуд и положил набок". Блаженный же снова посылает его: "Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется". Тот же говорит в ответ: "Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было питье, перевернул и положил набок". Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: "Иди и по слову моему и во имя господина нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде". Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую, и свершилось чудо по слову святого отца нашего Феодосия: стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полон меду. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о

случившемся. Отвечал ему блаженный: "Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько будет нужно князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Это все - благословение божие". Тем временем дождь перестал, и христороубец отправился к себе домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеве, где стоит скот, живут бесы. И немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосий вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал господь: "Ничем не истребится этот род бесовский, только молитвой и постом". Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, войдя один в хлев, где обитали бесы, запер двери и молился там до утра. И с тех пор они там больше не появлялись и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, нагнаны были бесы из села. И возвратился блаженный в свой монастырь, словно могучий воин, победив злых духов, вредивших в области его.

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, чтобы испечь для братии хлеба. Ответил ему блаженный: "Пойди посмотри в сусеке, ну, как найдется в нем немного муки, на то время, пока господь снова не позаботится о нас". Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного: с три или четыре пригоршни, и поэтому сказал: "Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу". Отвечал ему отец Феодосии: "Поверь мне, чадо, что велик бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как при Илье превратил одну пригоршню муки во множество, чтобы смогла некая вдовица перебиться с детьми в голодное время, пока не настала пора урожая. Вот так и ныне: сможет бог из малого сделать много. Так пойди же и посмотри, вдруг благословен будет тот сусек". Услышав слова эти, вышел он, и когда приблизился к сусеку, то увидел, что молитвами преподобного отца нашего Феодосия сусек, прежде пустой, полон муки, так что даже пересыпалась она через стенки на землю. Пришел он в ужас, видя такое славное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же ему в ответ: "Иди, чадо, и, не говоря никому, испеки, как обычно, хлеба на братию. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам бог свою милость, подавая нам все, что мы желаем"...

Был в то время раздор - по наущению лукавого врага - среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего своего брата, христороубца и уж поистине боголюбца Изяслава. И был изгнан он из своего стольного города, а они, придя в город тот, послали за блаженным отцом нашим Феодосием, приглашая его прийти к ним на обед и присоединиться к несправедному

их союзу. Но тот преподобный, исполнен духа святого, видя, что несправедливо изгнание христоролюбца, ответил посланному, что не пойдет на пир Вельзевулов и не прикоснется к тем яствам, исполненным кровию и убийством. И много еще, осуждая их, говорил и, отпуская посланного, наказал ему: "Передай все это пославшим тебя". Они же, хотя и не посмели прогневаться за такие слова на Феодосия, видя, что правду сказал человек божий, но и не послушали его, а двинулись на брата своего, чтобы изгнать его из удела того, и затем вернулись назад. Один из них сел на престоле отца и брата своего, а другой отправился в свой удел.

Тогда же отец наш Феодосий, исполнившись духа святого, стал обличать князя в том, что неправедно он поступил и не по закону сел на престоле том, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждал незаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и велел им передать его слова князю. А после написал ему большое письмо, грозя ему такими словами: "Голос крови брата твоего взывает к богу, как крови Авелевой на Каина!" И, приведя в пример многих других древних притеснителей, убийц, братоненавистников и в притчах поступок его изобличив, описал все это и послал. Когда же прочел князь это-послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весте, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступить и прекратить обличения князя. И многие бояре, приходя, говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться ему. "Он ведь, - говорили, - хочет заточить тебя". Услышав, что говорят о его заточении, воспрянул духом блаженный и сказал им: "Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я на смерть". И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая быть заточенным.

Однако князь, как ни сильно гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, видя в нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно завидовал брату своему Изяславу, что был такой светоч в земле его, как рассказывал слышавший это от Святослава черноризец Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

А блаженный отец наш Феодосий после многих просьб братии своей и вельмож, а особенно видя, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое, и с тех пор уже больше не укорял его, решив про себя, что лучше будет умолять его, чтобы возвратил своего брата в принадлежавшую тому область.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной его беседой. Тогда посылает он к блаженному: разрешит ли он прийти к себе в монастыре или нет? Феодосии же велел ему прийти. Обрадовался

князь и прибыл с боярами в монастыре. И великий Феодосии с братией вышли из церкви и, как положено, встретил его и поклонился, как подобает кланяться князю, а князь поцеловал блаженного. Потом же сказал он: "Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и не вступишь в монастыре". Блаженный же отвечал: "А может ли, благой владыка, совладать гнев наш с властью твоей? Но подобает нам обличать вас и говорить о спасении души. А вам должно послушать это". И так вошли они в церковь и после молитвы сели, и начал блаженный Феодосий говорить словами Священного писания, и не раз напоминал ему о братолюбии. Тот же снова возлагал всю вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, славя бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем, и с тех пор часто приходил к нему и насыщался душевной пищей, более чем медом и сытой, таковы были слова блаженного, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и Феодосий посещал князя и напоминал ему о страхе божьем и о любви к брату.

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в палаты, где сидел князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни брэнчали на гусях, другие гремели в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, приклонившись, спросил у него: "Вот так ли будет на том свете?" Тот же умилился словам блаженного и прослезился и велел прекратить музыку. И с тех пор, если, пригласив к себе музыкантов, узнавал о приходе блаженного, то приказывал им прекратить игру.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой: "Вот, отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался перед ним, как перед твоей преподобной душой". Блаженный же отвечал: "Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который передал ему благоверный отец". Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел.

А отец наш Феодосий дни и ночи молил бога за христолюбца Изяслава и в ектении велел упоминать его как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава - как мы говорили, против закона севшего на престол, - не велел поминать в своем монастыре. И едва умолила его братья, и тогда повелел поминать, обоих, однако же первым - христолюбца, потом же и этого, благого.

Великий Никон, видя княжеские распри, удалился с двумя черноризцами на прежде упомянутый остров, где в прошлом основал монастыре, хотя много раз умолял его блаженный Феодосии не разлучаться с ним, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушал его Никон и, как мы сказали, ушел на свое прежнее место.

Тогда же отец наш Феодосии, исполненный духа святого, задумал по благодати божьей переселиться на новое место и, с помощью святого духа, создать большую каменную церковь во имя святой богородицы и приснодевы Марии. Старая же церковь была деревянной и не могла вместить всей братии.

Собралось множество людей на закладку церкви, и одни указывали одно место, где построить ее, другие - другое, и не было места лучше, чем на находящемся вблизи княжеском поле. И вот, по воле божьей, проезжал мимо благой князь Святослав и, увидев множество народа, спросил, что здесь происходит. А когда узнал, то повернул коня и подъехал к ним и словно богом подвигнут, показал им на то самое место на своем поле, веля здесь и построить церковь. И тут же, после молитвы, сам первый начал копать. И сам блаженный Феодосии каждый день трудился с братией, строя здание это. Но, однако, не закончил его при жизни, а после смерти его, при игуменстве Стефана, с божьей помощью по молитвам отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено здание. Переселилась туда братия, а на прежнем месте осталось их немного, и с ними - священник и дьякон, так что всякий день и здесь совершалась святая литургия.

Вот какова жизнь преподобного и блаженного отца нашего Феодосия, которую - от юных лет и до старости - описал я вкратце. А кто сможет по порядку описать все мудрое управление этого блаженного мужа, кто сможет похвалить его по заслугам! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не смогу - невежда я и неразумен.

Много раз князья и епископы хотели искусить того блаженного, в словопрении одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на господа нашего Иисуса Христа, и святой дух пребывал в нем. И был он заступник вдовиц и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они и на пропитание.

Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как сносил не раз укоры и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех богу. И еще многие невежды, насмехаясь над ветхими ризами, издевались. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укоризнам, и в веселее великом славил за это бога.

Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за повара. Так вот однажды шел он к строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: "Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?" Спросил и ее блаженный: "Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?" Отвечала ему женщина: "Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради я пришла,

чтобы и мне помог, ибо обижена я судьей не по закону". Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: "Иди сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали". Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам послал вернуть ей то, что отнял.

Вот так блаженный отец наш Феодосий заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его послушаться, зная праведность его и святость. И чтили его не ради дорогих нарядов или светлых одежд и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь, и за светлую душу, и за многие поучения, кипящие святым духом в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница - почетной багряницей царской, и, в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к богу и настанет час успокоения его, ибо смерть - покой для праведника.

Тогда повелел он собрате всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников, и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом божьим, с покорностью и любовью. И опять поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорстве, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать и бить себя в груди, кланяясь богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братия же, выйдя на двор, стала говорить промеж себя: "Что такое он говорит? Или уйдя куда-нибудь, хочет скрыться в неизвестном месте и жить один без нас?" Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

А блаженный тем временем трясся в ознобе и пылал в жару и, уже совсем обессилев, лег на постели своей и промолвил: "Да будет воля божья, что угодно ему, то пусть и сделает со мной! Но, однако, молю тебя, владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету твоего милосердия". И, сказав это, замолк, и говорить уже не в силах.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие думали уже, что он умер, и мало кто мог заметить, что еще не оставила его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: "Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том господь во время поста, когда был я в пещере, что настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой: кого поставить вам вместо меня игуменом?" Услышав это, опечалились

братья и заплакали горько, и потом, выйдя на двор, стали совещаться между собой и по общему согласию порешили, чтобы быть игуменом у них Стефану, регенту церковному.

На другой день блаженный отец наш Феодосий, снова призвав к себе всю братию, спросил: "Ну, чада, решили вы, кто достоин стать вашим игуменом?" Они же все отвечали, что Стефан достоин принять игуменство после Феодосия. И блаженный, призвав Стефана к себе и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал слушаться его и отпустил всех, назвав им день смерти своей: "В субботу, после восхода солнца, покинет моя душа тело мое". И, снова пригласив к себе одного Стефана, поучал его, как пасти святое то стадо, и тот уже больше не отлучался от него и смиренно прислуживал Феодосию, ибо становилось тому все хуже.

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих, что разлучаются с таким пастырем. А блаженный им говорил: "Чада мои любимые и братия! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу к владыке, господу нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого сами пожелали. Так слушайте же его, и пусть будет он вам отцом духовным, и бойтесь его, и делайте все по его повелению. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лукавого, и сохранит веру вашу нерушиму и тверду в единомыслии и взаимной любви, чтобы до последнего дыхания были вы вместе. Да будет на вас благодать - служить богу безупречно, и быть всем как одно тело и одна душа в смирении и послушании. И будете же вы совершенны, как совершенен и отец ваш небесный. Да пребудет господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде сейчас я, в той и положить меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из людей, кроме вас самих, не хоронит меня на месте, которое я вам указал". Братья же, слыша слова эти из уст святого отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова утешал их, говоря: "Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда буду с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь, то если и грех какой совершит, все равно буду я за того отвечать перед богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И из того разумеете вы дерзновенье мое перед богом: если видите, что процветает монастырь наш, знайте, что я возле владыки небесного. Если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он - значит, далек я от бога и не имею дерзновенья ему молиться".

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда служил Феодосию, проделав дырочку небольшую, следил через нее. И вот встал блаженный и склонился ниц, моля со слезами милостивого бога о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более - святую владычицу нашу богородицу, и молил ее именем господа бога, спасителя

нашего Иисуса Христа о стаде своем и монастыре. И снова, помолившись, лег на постель свою и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и воскликнул громко с радостным лицом: "Благословен бог, что так свершилось: вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!" И можно думать, что сказал он так, увидев явление некое, потому что потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал святую душу свою в руки божьи, и приобщился к святым отцам. Тогда горько плакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели, как подобает по обычаю. И тут же, словно по какому божественному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых, и с готовностью пришли и уселись перед воротами, ожидая, когда вынесут блаженного. А благоверный князь Святослав, который находился недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел, что огненный столп поднялся до неба над тем монастырем. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что преставился блаженный, и сказал окружавшим его: "Вот сейчас, как мне кажется, умер блаженный Феодосий". Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжелую болезнь. Тогда, послав и услышав, что и вправду преставился он, горько о нем заплакал князь.

Братия же заперла ворота и никого не пускала, как велел блаженный, и сидела над телом его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по велению божьему затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разбежались все люди. И тотчас же снова перестал дождь, и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой говорили мы прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умер же отец наш Феодосии в год 6582 (1074) месяца мая на 3 день, в субботу, как и сам предсказал - после восхода солнца.